

КНИГА О РЕПРЕССИЯХ ДАГЕСТАНЦЕВ.

Рец. на кн.: Сулейманов С.И. Книга памяти жертв политических репрессий 20-50-х гг. XX в. в Дагестане (Списки, документы и материалы). Махачкала, 2009.

В многочисленных публикациях современной прессы, в выступлениях по радио и телевидению историки, социологи, политологи, журналисты, затрагивая тему строительства социализма в нашей стране, к сожалению, не придерживаются объективной оценки пройденного Советским Союзом пути, который совершил скачок от сохи к созданию крупной промышленности, первый в мире пришел к освоению космического пространства.

Особенно московское радио «Эхо Москвы» считает своим долгом акцентировать внимание на негативных фактах репрессий 30-х годов XX века, выступать вообще против социалистического пути развития как чуть ли не порочного, оправдывать нападение фашистской Германии на нашу страну и даже во всеуслышание заявлять, что Гитлер был более гуманным лидером, чем Сталин.

Прежде всего следует сказать, что история страны состоялась, и никому не удастся изменить ее великие достижения, начиная от создания новой экономики в результате индустриализация и коллективизации, победы в Великой Отечественной войне, приращения к СССР новых территорий на Западе и Востоке, а потом в течение короткого времени, залечивая раны войны нашему народу удалось достичь выдающихся успехов, выведших советскую страну на второе место в мире: именно наше государство осуществило запуск первого в мире спутника земли и космический полет Юрия Гагарина и многое другое. Ни одному очернителю истории СССР не удастся, несмотря на все их потуги, подтасовать факты, внедрить в сознание новых поколений идею о порочности пути Советского Союза.

Конечно, в период становления первого в мире социалистического государства, находившегося в окружении капиталистических стран, были допущены ошибки (они достаточно серьезно и глубоко были проанализированы руководством страны). И среди них, конечно, самыми тяжелыми были репрессии 30-х годов. Кто внимательно изучил эту, проблему, не может отрицать, что многие из необоснованных преследований были осуждены, и в послевоенное время реабилитированы тысячи и тысячи безвинно осужденных людей.

Обо всем этом скрупулезно и глубоко пишет в своих книгах доктор исторических наук, заслуженный наставник молодежи Республики Дагестан Сагим Ильясович Сулейманов, проработавший в органах госбезопасности 43 года, и вот уже 18 лет он ведущий сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Им опубликовано несколько интересных книг, посвященных чекистам («На страже завоеваний Октября», «Сафар Дударов. Очерк о жизни и деятельности первого председателя Дагестанского ЧК», «Из истории чекистских органов Дагестана», «Чекисты на войне», «Верный страж государственной безопасности Отчизны») и политическим репрессиям в Дагестане (в 2007 году вышла «Книга памяти жертв политических репрессий 20–50-х годов XX века в Дагестане» том I; в 2009 году – том II). Говоря об этом, надо подчеркнуть, что автор знает историю чекистских органов и процессы репрессированных не понаслышке, а изнутри. Бо-

лее 10 лет он посвятил дополнительной проверке материалов уголовных архивов следственных дел в связи с реабилитацией осужденных.

Буквально на днях С.И. Сулейманов подарил мне второй том «Книги памяти жертв политических репрессий 20–50-х гг. XX в. в Дагестане (списки, документы и материалы)», подписанный в печать в День Победы в мае этого года (но, к сожалению, тираж невеликий – 100 экземпляров).

В предисловии к книге, названном «Еще раз о политических репрессиях 20–30-х годов XX в. (вместо введения)», С.И. Сулейманов объясняет читателю, что по закону «репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, и осуществляемы по решению судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами».

Основываясь на этом законе и глубоко изучив многие архивные дела, С.И. Сулейманов приходит к выводу, что «в практике советской юриспруденции при применении наказания по политическим мотивам в 1920–1950-е годы нередко допускались факты беззакония, унижающие достоинство человека».

«Роковые события 1930 годов, – пишет он, – были и остаются одной из наиболее трагических страниц нашей истории. Развернувшиеся массовые репрессии, словно полноводная река, своим могучим потоком смывали многих людей в небьпе».

В предисловии к первому тому «Книги памяти жертв политических репрессий 20–50-х гг. XX века в Дагестане» С.И. Сулейманов довольно подробно изложил истоки, механизмы и последствия политических репрессий в те же годы в Дагестане. Вместе с тем, после издания первого тома в средствах массовой информации и различных публикациях отдельными исследователями чересчур вольно интерпретировались многие важные факты, связанные с политическими репрессиями, особенно много приводилось раздутых данных о количестве репрессированных лиц, как в стране в целом, так и в Дагестане, в частности. На мой взгляд, в этом плане автор провел скрупулезную исследовательскую работу, показавшую недобросовестность некоторых журналистов и ученых. Так, например, газета «Дагестанская правда» 28 ноября 2007 года сообщила своим читателям, что «в 1930–1938 годах было репрессировано и уничтожено 8 млн. человек. В 1938–1941 гг. еще 10 млн. человек как «враги народа» или «религиозные фанатики». Автор книги справедливо возмущается выдуманными цифрами и задает вопрос: «Не такие ли «выкладки» подрывают доверие к историческим фактам и к науке вообще? Тема политических репрессий стала самой «ходячей». Кто только не берет рассуждать и писать об этом. Это вошло в моду».

Чтобы развенчать утверждения различных болтунов, безответственно выдвигающих с каждым годом и изданием все новые и новые цифры репрессированных лиц, С.И. Сулейманов приводит логичные возражения против такой самодеятельности.

«В документе, – пишет он, – подписанном руководителями трех ведомств страны – Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром внутренних дел

С. Кругловым и министром юстиции К. Горшечниковым и датированном 1 февраля 1954 года, подготовленном по заданию первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в связи с предстоящим его докладом на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях», указано, что «... за контрреволюционные преступления было осуждено 3.777.580 человек, в том числе к ВМН (высшей мере наказания) 642.980 человек». Как представляется, получив задание от первого в стране лица (Н.С. Хрущева), подписавшие справку названные выше руководители, зная о тенденциях нового руководителя, вряд ли могли быть заинтересованы в приумножении количества репрессированных. Эти данные впоследствии были воспроизведены и в целом ряде других изданий».

Что касается репрессий в Дагестане, то они получили достаточно полное освещение в первом разделе первого тома книги под названием «Истоки, механизмы политических репрессий и их последствия в Дагестане», в котором отмечены основные направления борьбы с «врагами народа», начиная с религиозных авторитетов и кончая видными партийными и государственными деятелями, работниками культуры и искусства. В обеих книгах даются списки осужденных дагестанцев, позже реабилитированных руководством страны. В них приводятся самые краткие сведения о них: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, национальность, время ареста, статья обвинения, судимость и дата реабилитации.

Многие читатели, наверное, знают, какая ужасная вакханалия царила в стране в 30-х годах. По существу руководство страны дало добро работникам правоохранительных органов, как в центре, так и на местах для выявления и наказания «врагов народа», «засевших в партийных и государственных органах», в творческих союзах, «учреждениях экономики и культуры». И они, работники НКВД, забыв о порядочности и чести, засучив свои кровавые рукава, действовали, как решит их больная голова. На волне этой вакханалии появились такие одиозные фигуры, как нарком внутренних дел Ломоносов, занимавшийся рукоприкладством, избиением видных научных деятелей, руководителей наркоматов, требуя признания своей вины, которую сам придумал. Недалеко от своего шефа ушли его подручные-изверги Виргант, Восс, Глинянов, Демочка, Донашайте, Дубинин, Конарев, Кравцов, Канфорин и другие.

Недавно вышла из печати книга Ф.Б. Астемировой «Время – частный судья», в которой она пишет о своем отце Багаудине Астемирове, бывшем наркOME просвещения, и где приведены слова ее отца: «Обвинение меня в принадлежности к буржуазной националистической организации явилось для меня совершенной неожиданностью, когда передо мной стал вопрос об этом впервые в июле 37 года постановил бывший полковник НКВД ДАССР, ныне разоблаченный враг народа Ломоносов. Тогда же я ему категорически ответил, что я никогда в жизни ни в каких контрреволюционных организациях не состоял и о существовании в Дагестане буржуазно-националистической организации впервые слышу от него». Ломоносов тогда сказал: «Мы заставим вас дать показания».

«С этого началось «следствие», – писал Б. Астемиров, – выражается в голом требовании «признаться», угрожая тем, что доведет до того, что «умереть не дадим и жить не будешь», и так начались неслыханные методы физического и морального воздействия» (с. 167).

На мой взгляд, затрагивая проблемы репрессий в Дагестане, не следует забывать о том, что тогдашнее руководство страны дало право органам НКВД распоряжаться во всех организациях и учреждениях, обвинять невинных людей, оказы-

вать давление на конкретных руководителей, находившихся на высшей ступени республиканского руководства.

За короткое время были репрессированы председатель Даг ЦИКа, позже 2 секретарь СК ВКП(б) Магомед Далгат, председатель правительства Керим Мамедбеков, первый секретарь Дагобкома ВКП(б) Нажмудин Самурский и многие другие. По существу руководство республики было обезглавлено. Видимо, не следует предъявлять серьезные претензии к Н.П. Самурскому, выполнявшему указания НКВД и ЦК партии (время было страшное). Тем более в первом томе книги на странице 165 черным по белому написано: «Самурский (Эфендиев) Нажмудин, 1889 г. рождения, уроженец с. Куруш Докузпаринского района ДАССР, лезгин, осужден 1 августа 1938 г. по ст. 58 – 1 «а», 58 – 2, 58 – 8, 58 – 11 УК РСФСР к ВМН. Реабилитирован посмертно 2 июля 1956 г.».

В последнем разделе «Приложения (документы и материалы)», опубликованном во II томе «Книги памяти», даются материалы, связанные с выступлениями бывшего председателя Совнаркома ДАССР Керима Мамедбекова, письмами его жены Любови Эрлих, делом сына Гаруна Мамедбекова. На странице 130 дается копия протокола № 16 заседания бюро Дагобкома ВКП(б) от 27 сентября 1937 года, на котором из партии исключили Магомеда Далгата («выученика и последователя фашиста-нациста»), Керима Мамедбекова и «троцкистку» Эрлих Любовь. В разделе напечатаны и другие материалы, среди которых имеется записка: «Начальнику 4-го отдела УГБ НКВД ДАССР от арестованного Керима Мамедбекова: «Становясь на путь полного разоружения, прошу следствие дать мне возможность полнее развернуть показания. 7.11.38 г.». Это маленькое обращение Мамедбекова говорит о многом: его все время били, заставляли «признаться». Побои были невыносимы, и он «созрел», как говорили тогда. И нагородил много чепухи, что явилось основанием для его расстрела.

Среди документов, опубликованных во II томе «Книги памяти», настораживает один материал – «Выписка из протокола допроса обвиняемого Коркмасова Джелал Эд-Дин-Асельдер оглы 15 июля 1937 года». Коркмасова арестовали так же, как и Алибека Таго-Годи, в Москве и, естественно измывались над ним безнравственные следователи и их начальники. В результате документ получился предательский, в котором он якобы сообщил компрометирующие данные на всех видных дагестанцев: Самурского, Тахо-Годи, Ахундова, Мамедбекова, Габиева, Хизроева, Ибрагима Алиева, М. Далгата, многих руководителей нацреспублик страны, которые «мне известны как участники контрреволюционных национальных организаций на местах». Документ приведен в книге без каких-либо комментариев, и поэтому рядовой читатель может принять его как предательство Коркмасова. В действительности Коркмасов, как и многие другие, находящиеся в застенках, не выдержал гнусных пыток, избиений и ответил на заданные ему следователем вопросы: «С кем Вы дружили (работали) в Дагестане?», «Кого Вы знаете в других национальных республиках?» И когда он назвал фамилии, имена руководителей работников, то тюремщики сделали их членами контрреволюционных организаций. Этот прием следователи применяли при осуждении Видади Эмирова (начальника технической части строительства канала Октябрьской революции), Гаджибека Гаджибекова (директора научно-исследовательского института национальных культур), о чем я подробно написал в книгах «Повесть о двух братьях» и «Гаджибек Гаджибеков – человек, ученый, писатель».

Несмотря на некоторые упущения «Книги памяти жертв политических репрессий 20–50-х гг. XX в. в Дагестане», она представляет собой серьезный научный труд, проливающий свет на тяжелые времена, выпавшие на долю нашего народа.

Дж. Ахмедов